

► Рауль Мир-Хайдаров

Неизвестные факты из жизни ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ. 1911–1912 гг.

*... А жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок...*

Тукаевские дни, тукаевское столетие... Прекрасная традиция зародилась в новом Татарстане – собираться в день рождения великого поэта у его памятника. Там ежегодно объявляют имена лауреатов литературной премии имени Тукая, и этот день можно назвать Днем татарской литературы, Днем единения нашего народа в честь памяти нашего гения – народный праздник, иначе не скажешь!

Тукай был коммуникабельным человеком. Он часто становился центром событий общественной жизни. Он был ярким представителем татарской культуры для всего мира и других тюркоязычных народов России, олицетворяя ее искания в конце 19 века – пору расцвета татарского театра, литературы, журналистики.

Уже целое столетие историки и литературоведы процеживают его жизнь, его творчество через тончайшее сито, надеясь отыскать хотя бы одну его неизвестную строку или факты о неизвестных стародавних встречах поэта с друзьями, родственниками, коллегами, читателями. С каждым годом у тукаеведов открытий все меньше и меньше, жизнь

поэта изучена, если не по часам, то по дням точно.

Казалось бы, что мы уже все знаем о своем гении, но случаются в жизни и чудеса. Случаются, потому что Всевышний видит, что значит Тукай для татар. Хочу поделиться с вами, дорогие соплеменники, своим радостным открытием. Благодаря моим публикациям, я неожиданно оказался причастным к малоизвестному или неведомому многим факту из жизни незабвенного Тукая.

Начну издавала. У меня с детства существует с Тукаем какая-то мистическая связь, наверное, оттого и пришли ко мне эти сведения. Хотя, казалось бы – где Казань, а где мой Мартук?

Я всегда аттестовал себя оренбургским татариним. Мои родители и их предки во втором и третьем поколении были горожанами. Отсюда, от родителей, начинается и моя материальная связь с поэтом. Мартук находится в двухстах километрах от Оренбурга, города, где до революции преимущественно проживали мусульмане – татары, казахи, узбеки. Во время революции и Гражданской войны, особо жестоко

прокатившейся по Оренбуржью и больно коснувшейся даже нашего Мартука (в поселке есть мемориалы и памятники жертвам Гражданской войны), многие татары из Оренбурга бежали от репрессий и конфискации в Казахстан. Вся история татарской миграции с XVI века свидетельствует о том, что они всегда стремились туда, где был единый по вере народ, оттого и спаслись.

В нашей семье из достойного упоминания имущества, которое удалось сохранить от всех экспроприаций, остался лишь только большой, заводского производства, сундук красного сандалового дерева, весь окованный блестящими медными пластинами со вкрапленными в них разноцветными камнями. Думаю, что когда-то его мои предки привезли из Персии или Аравии. Сундук закрывался на медный, очень красивый ключ. Когда его открывали, пахло сандалом и звучала какая-то короткая восточная мелодия. Волшебный сундук! Внутри в торцах у него были глубокие узкие отделения, где хранились документы, какие-то украшения мамы, ордена отчима и фотографии-дагерротипы наших

На этой фотографии в нижнем ряду слева Амина-апа сидит с внучкой Гулькой на коленях, рядом с ней справа Майнур-апа, а над ней стоит Барый-абы Шакиров – родоначальник этого большого рода. Справа в сером макинтоше стоит с ридикюлем в руке ее старшая дочь Марзия, она очень похожа на мать. Все остальные на снимке связаны с Аминой-апой только через замужество ее дочерей. 1957 г. Мартук.

родственников по материнской и отцовской линии, были фотографии родственников и моего отчима, он тоже родом из Оренбурга. Все снимки – семейные, и лишь на одном из них был изображен молодой человек с выразительными глазами и тонкими чертами лица. Много позже я узнал, что это – Тукай.

В конце 80-х, когда я стал печататься в «Казан утлары» (литературный журнал «Огни Казани» – прим. ред.), снимок Тукая я передал Равилю Файзуллину (Народный поэт Татарстана, советник генерального директора АО «ТАТАМЕДИА». В 1989–2013 гг – главный редактор «Казан утлары» – прим. ред) и посоветовал ему собирать ретро-фотографии. Сегодня в архиве журнала собралась бесценная коллекция фотографий – история нашего народа в лицах. Я

рад, что имею отношение к этому собранию.

110-летие Тукая отмечали в Москве в Доме писателей, к тому времени уже было открыто Представительство Татарстана в столице. За день до мероприятия мне позвонил первый Полпред Татарстана в Москве Фарид Мубаракшевич Мухаметшин и спросил: «Как нам найти для сцены в ЦДЛ хороший портрет Тукая?» Я ответил: «В Москве живут сотни татарских художников, половина из них преклонного возраста и, наверняка, они чтят Тукая. Возможно, у них есть». Полпред горестно посетовал – обзвонили всех, нет ни у кого. И тогда я признался, что у меня, бесквартирного, живущего уже шесть лет в Переделкино в Доме творчества, на стене висит портрет Тукая. И я отдал его. По окончании торжеств высокие

гости, прибывшие из Казани, попросили меня подарить Музею Тукая этот портрет – я и подарил. Портрет написал Шакир Закиров. Позже я заказал ему еще три портрета по тому фото, которое сохранилось в нашей семье. Эти портреты я подарил журналу «Казан утлары» и СП Татарстана, там они находятся и сейчас. Вот такие давние, уже не мистические связи у меня с Тукаем.

Теперь два слова о Мартуке – оттуда дорога ведет к неизвестной странице из жизни Тукая.

В 90-х годах я печатал в «Казан Утлары» повесть, где упоминался Мартук. Неожиданно я получил большое письмо от хорошо образованной 80-летней женщины из Казани. Она читала журнал и увидела там упоминание о Мартуке. Оказалось, что до войны там отбывал ссылку ее

Нижний ряд: слева Амина-апай, внук Марат и его мама Фаузия. Вверху справа стоит дочь Амины-апай Марзия, слева – Ильсия, племянница из Ташкента. Обе дочери Амины-апай похоронены на кладбище села Купербаш

дед, духовное лицо, теолог, имевший опубликованные труды и некогда читавший лекции в исламских центрах Бухары и Самарканда. Оказывалось, в молодости у них дома в Казани наш Мартук звучал, как Мекка – туда они писали письма раз в месяц, раз в год имели право отправить посылку, раз в два года – навестить своего родственника. Безумно жесточайшие годы! Это письмо я передал в «Казан Утлары». Была еще жива моя мама, и я пытался отыскать его следы. Но, увы, время стирает следы даже таких достойных людей. Но он все же остался в памяти старшего поколения мартучан. Они слышали, что был в 30-х годах такой набожный человек в поселке, читал книги на арабском языке и жил тем, что отпевал умерших – жил от поминок до поминок. Наверное, оттого, что он у нас жил, в Мартуке всегда были грамотные муллы. Их всегда приглашали в соседние поселки и даже в Актюбинск и Ак-Булак.

Почему я о нем пишу? Потому что уж он-то точно знал женщину, по имени Амина, о которой ниже пойдет речь, которая волею судьбы в те же годы оказалась в моем Мартуке. Два просвещенных человека из Казани не могли не встретиться в

крошечном посёлке хотя бы на чьих-то похоронах.

В интернете на Facebook у меня есть страничка, где помещен рассказ «Станция моего детства». И вдруг мне, опять же из-за упоминания о Мартуке, приходит письмо, которое, наверное, будет интересно всем татарам – оно касается личной жизни Тукая. Привожу письмо без комментариев – точнее и яснее, чем там, не скажешь. Письмо проверено, перепроверено, проанализировано, нашлись и фотографии людей, о ком идет речь, и даже их могилы. Есть одна неверная деталь о кумысе – Тукай приезжал в Купербаш на козье молоко.

Рамиль Шерланов:

Эту удивительную историю рассказала мне моя бабушка (по маминской линии).

Случилось это приблизительно в 1912 году. Жили они тогда в деревне Купербаш Арского уезда Казанской губернии. Отец (мой прадед) был зажиточным крестьянином, мать (моя прабабушка) – домохозяйкой. Прадед был набожным, добропорядочным и образованным, строгим, но справедливым человеком. Наверное, поэтому был избран старостой деревни. У бабушки была старшая сестра,

которую звали Амина. Она была очень красивой, скромной и трудолюбивой восемнадцатилетней девушкой. Амина всегда помогала маме по хозяйству. В эту деревню часто приезжал из Казани известный татарский поэт Габдулла Тукай. У него была чахотка (туберкулёз лёгких) и последние годы жизни по рекомендации врачей он лечился кумысом в Казахстане, а затем Татарстане. Кумыс кобылиц, которых содержал мой прадед, был самым лучшим в Казанской губернии. Амина всякий раз подавала Габдулле Тукаю чашу со свежим кумысом. Он пил кумыс, долго говорил с ней, при этом очень пристально смотрел на неё и, уходя, всегда благодарил её. Поэт тогда был очень бледен и худ, но черты его лица оставались тонкими, красивыми. Он был достаточно прилично одет: на нём были тёмный сюртук, костюм с жилеткой и тюбетейка.

Поэт производил впечатление весьма аккуратного и скромного человека. Он был образован, умён, интересен. Они полюбили друг друга с первого

взгляда. Дело дошло до того, что однажды Габдулла Тукай попросил её руки у моего прадеда. Но прадед отказал ему: мол, за неустроенного человека дочь не отдаст (к сожалению, отношение к поэтам в то время было таким же, как и к артистам).

В 1913 году в возрасте 27 лет Габдулла Тукай, так и не устроив свою семейную жизнь, умирает в нищете от чахотки. А Амина после революции выходит замуж за красноармейца Багаутдинова и уезжает с ним в г. Мартук Актюбинской области Казахстана, где рождает ему двух дочерей. Сейчас в г. Мартуке живут её внуки, правнуки и праправнуки. Амина до конца своей жизни не забывала свою первую любовь Габдулла Тукая, читала и перечитывала его стихотворения и тихо плакала. Моя бабушка говорила мне, что у Габдуллы Тукая есть стихотворение (названия не помню), которое поэт посвятил Амине.

Сейчас я живу в Нукусе (Каракалпакстане, Узбекистане). Фамилия Амины-опай (по мужу) и её двух дочерей (Фаузия-опай, Марзия-опай) – Багаутдиновы. Остались у Амины-опай внук Марат и внучка Гулькай. Они живут в Мартуке, внук Рустам и правнуки (насколько я знаю от своей тётки) переехали на родину Амины-опай и живут в г. Арске Казанской области. Фотографии Амины-опай у меня нет. Были у моей тётки (я их видел), но она (абыстай – женский мулла) их сожгла (по мусульманским традициям нельзя хранить фото (лики) умерших родственников). Спрошу у жены моего дяди, может, и сохранились у неё. У меня фотография есть

моей бабушки (младшей сестрёнки Амины-опай). Но, я думаю, в Мартуке у внуков есть фотографии самой Амины-опай и её дочерей.

Я являюсь внучатым племянником Амины-опай. Кстати, муфтий Усман Хазрет Исхаки – троюродный братишка моей мамы Самигуллиной Раисы Хисматуллаевны, а муфтий Талгат Тазеддин – её зять (женат на троюродной сестрёнке мамы). Мать Усмана-обый (поэтесса Рашида-опай) и тёща Талгата-обый (Салима-опай) – двоюродные сестрёнки моего дедушки Хисматуллы Самигулина. Их, сирот, воспитал старший брат моего деда мулла Захри-обый Самигуллин.

Сведения из метрики моей бабушки Хабибуллиной Гильминисы: Девичья фамилия Амины-опай – Хабибуллина (по-моему, после замужества она взяла фамилию своего мужа Багаутдинова). ФИО её отца (моего прадеда) – Давлетшин Хабибулла, ФИО её матери (моей прабабушки) – Галиуллина Махубзямал. После Октябрьской революции прадед был раскулачен, в 1918 году красноармейцы хотели его расстрелять (у них был мандат на его расстрел), вывели его в лес, зачитали приговор и уже хотели привести его в исполнение, но

крестьяне деревни Купербаш встали рядом с ним: мол, убейте и нас, коль убиваете нашего кормильца. Прадеда не расстреляли. Забрали всё и оставили его многодетную семью (у него было 10 детей) голодать. После чего деревня, не зная голода, познала ГОЛОД.

Получив письмо от Р. Шерланова, в начале мая я отправился в Мартук, в надежде отыскать там следы возлюбленной Г. Тукая. И мне это, как ни удивительно, удалось.

29 мая – 13 июня 2018 г.

Оказывается, тайна Тукая жила со мною рядом с первых шагов моей жизни в Мартуке. Я думаю, что появление Амины-опай и Хайруллы-абы в 1937 году в Мартуке было неслучайным, ведь они оба были детьми весьма состоятельных родителей, а, значит, и детьми «врагов народа», и карающая рука власти, останься они в Мендюше, могла дотянуться и до них. Выходит, мой Мартук для этой семьи стал прибежищем от бед, за это спасибо Всевышнему.

Могила Амины-опай и её мужа Хайруллы-абы Багаутдинова нашлись. Амина-опай после Татарстана всю жизнь прожила в Мартуке и

Внизу слева – Марзия, в середине Марат, справа – Фаузия. Вверху – племянницы из Ташкента.

Слева внизу стоит Фаузия (12 лет), сидит Хайрулла Багаутдинов – муж Амины-апай (48 лет), рядом Амина-апай (44 года) и племянник Камил (7 лет). На заднем плане стоит Майнур-апай (46 лет). 1939 г.

захоронена под девичьей фамилией – Хабибуллина. Этот факт косвенно подтверждает версию об её встречах с Габдуллой Тукаем. Уверен, что она хотела сохранить фамилию для нас, потомков. Этим, а также памятью и воспоминаниями о нем, она всю жизнь связывала себя с Тукаем. Так, наверное, поступила бы любая женщина, на которую пал выбор гения. Я, без сомнения, много раз видел Амину-апай и Хайруллу-абы с раннего детства, в дни мусульманских праздников получал из её рук, которых касался Тукай, угощения: или беляш, или румяную плюшечку, или кусок пирога с красным творогом, а иногда и копеечку на кино.

Брат Амины-апай, Нурулла Хабибуллин, был женат с 1909 года на Бибисабире, дочери преуспевающего торгового человека из Мендюша по фамилии Багаутдинов. Но у Багаутдинова, кроме дочери, был ещё и сын Хайрулла, который так же, как и Тукай, был влюблён в Амину. Видимо, у отца Амины, в связи с родством с семьей Багаутдиновых через

сына, имелись какие-то тайные устные договоренности насчёт сватовства Амины и Хайруллы, но ни Тукай, ни Амина не могли знать об этом. И отказ Тукаю в сватовстве мог произойти и по этой причине. Могила брата Амины Нуруллы находится рядом с могилами дочерей Амины-апай: Марзии и Фаузии в Купербаше. Как тесно связаны судьбы названных здесь людей с аулом Купербаш, где много раз бывал Тукай!!

Я беседовал с внучкой Амины-апай Гулькай, которая ныне живет на Алтае, но она мало что знает, не в пример Рамилю Шерланову из Нукуса, с которого и начались мои поиски оставшихся на земле следов Амины-апай, от которой тянулся очень ясный и глубокий след к Тукаю. Шерланову я очень благодарен за его твёрдую убежденность в том, что Тукай связывали личные отношения с Аминой Хабибуллиной, он же обозначил мне четкие места пребывания Амины и Тукай в 1911–1912 годах. В моих поисках стало ясно, что старинный татарский аул Купербаш

не был местом случайного пребывания Тукай, его туда тянуло, там он работал, лечился, и там жила Амина, он даже ненадолго снимал комнаты, чтобы чаще видеть девушку.

Выяснилось, что в Купербаше козье молоко на продажу предлагали не одни Хабибуллины, имелось оно и в соседних аулах, более близких к Казани. Теперь понятно, почему поэту молоко у Хабибуллиных казалось слаще и целебнее всего.

Я помню Амину-апай, вижу ее сквозь время, в ней я чувствовал природное благородство, аристократизм, такт, у неё была не мартукская речь, поведение, бытовые привычки, которые передались ее дочерям. Их, Марзию и Фаузию, я помню молодыми, они имели присущую Амине-апай самостоятельность не только в поведении, но и суждениях. Повторюсь, мы жили кучно, на мартукской Татарке, а Марзия-апай была каким-то начальником на предприятии, где работал мой отчим Исмагилябы, и бывала у нас дома не раз. То же самое я могу сказать о ее сестре

Амина-апай со старшей дочерью Марзией.

Фаузии. Удивитесь, как глубоко жила в сестрах тяга к Татарстану, родным местам матери, они бывали там часто и всегда возили на родину Амину-а-пай. Сестры при жизни ухаживали за могилами своих родственников в Купербаше.

Конечно, сестры знали тайну матери, но узнали поздно, время было жестокое, немногословное, разговоры о своих родителях, об их статусе в буржуазном обществе, о высоких отношениях с поэтом из царского прошлого в то суровое время могли обернуться бедой. Они, как люди образованные и много повидавшие, знали и видели грустные примеры судеб людей не из рабоче-крестьянской среды – в Мартуке мне все дни вспоминалась судьба великого Амирхана Еники.

Только закончился 37-й год, оставивший печальный след в судьбах людей на долгие годы, острая фаза которого длилась до самой войны, когда они неожиданно с детьми прибыли в Мартук, где у них была родственница – Майнур-а-пай,

сестра Хайруллы, мужа Амины-а-пай. С 1917 года произошел разлом всей жизни России – в центре и на окраинах. Распад Империи завершился невиданным голодом в Поволжье в 20-х годах, коснувшимся особенно жестоко Татарстана и Башкирии, и дальше гибельно шагнувшим в Казахстан. Семья Амины и Хайруллы, созданная в 1919 году, в селе Мендюш, в имении Багаутдиновых, попала в водоворот истории. Классовую ненависть они, как «враги народа», ощутили на себе так, что их правнуки помнят об этом до сих пор. Они потеряли капиталы родителей, собственность, землю, социальное положение, надежды на будущее. Их семья попала в наш нищий Мартук, который оставался нищим – без света и без работы – до 1960 года, только тогда появились первые плоды освоения целинных земель в Казахстане. Тогда же в Мартуке появилось и электричество – в 1959 году. В те годы у нас в Мартуке кроме милиции был и уполномоченный НКВД, а впереди маячили

годы с продолжением репрессий, а потом война, да и послевоенные годы были не слаще. Какие тут могли быть разговоры о Тукае, о времени, когда они жили в достатке и были счастливы?! Такие беседы были бы губительны для молодых, да и в татарских традициях тех лет девушки не уведомляли о своих чувствах и личной жизни весь свет. И Тукай вряд ли кому признавался в своем неудачном сватовстве, хотя он чувствовал, как поэт, как мужчина, что он желанен этой девушке, и сердца их бьются в такт. Гордость тукаевская, гордость татарская известна.

Встречи Амины-а-пай с Тукаем, беседы с ним, его подарки и внимание, сердечные признания – это дар Всевышнего ей на всю оставшуюся жизнь. Только эти, навсегда запечатленные в ее сердце воспоминания, дали Амине-а-пай силы выжить, вырастить детей, дать им образование и возможность приезжать с ними в Купербаш, посещать могилы близких и вспоминать только одно счастливое лето 1912 года, когда ее сердце

Внизу справа сидит Амина-а-пай. Вверху слева стоят: внучка Гулькай, муж Фаузии Адигам Ахмеджанов, дочь Фаузия, внук Марат. 1960 г. Мартук

было наполнено Тукаем, его поэзией и любовью.

В то сложное переломное время, длившееся почти тридцать лет, мало у кого была путеводная звезда в кромешном мраке революций, войн, преследования людей не только по идеологическим убеждениям, но и по социальному и имущественному статусу. А у Амины был Тукай. У нее не было желания делиться заветными воспоминаниями ни с кем, она жила с ними в обнимку всю жизнь, отсюда она и черпала силы, чтобы выжить, поднять детей. Только семье она открыла какие-то сведения уже в конце 60-х. Но подробности жизни знали только ее дочери. «Да будет благословенно его имя», – говорила она часто своим дочерям, с которыми была в редкой духовной близости.

Слава Аллаху, что Амина и Хайрулла вообще смогли сохранить жизнь и продолжили род Хабибуллиных и Багаутдиновых. Сегодня мы видим их многочисленный род, разбросанный на всем постсоветском пространстве. И все они, как один, оказались достойными людьми. Они живут в Ташкенте, Нукусе, Ашхабаде, Алматы, Чимкенте, Петербурге, Арске, Алтае, Уфе, Мартуке, Актюбинске.

Сегодня запоздало вспомнилось, что дочь Амины-апай Марзия очень нравилась моему дяде Рашиду, младшему брату моей матери, о нем у меня много страниц в романе «Ранняя печаль», но что-то у них не срослось. Жаль, а ведь я мог бы стать родственником Амины-апай... Вот в какое кольцо может иногда сворачиваться жизнь. И не случайно не к кому-нибудь, а именно ко мне, пришла весть из счастливых дней для Амины-апай лета 1912 года. И это уже не мистика, это и моя судьба, связавшая меня с

детства с фотографией Тукая из нашего волшебного сундука сандалового дерева.

Единственным близким родственником Амины-апай в Мартуке остался ее внук – Марат Ахмеджанов, 1951 года рождения, он присутствует на многих фотографиях. Марат не только подтвердил написанное Рамилем Шерлановым, но и многое добавил, уточнил, ведь он вырос на руках Амины-апай, своей бабушки.

Вот его дополнения: Амина-апай родилась в 1895 году – умерла в 1976. На момент встречи с Тукаем ей было 17 лет. Родилась и жила она в ауле Купербаш, приезжал туда Тукай на козье молоко. Приезжал Тукай туда много раз в 1911-1912 годах, потому что в ту пору он жил неподалеку от ее села, эти адреса биографам поэта известны.

Тукай подарил юной Амине свою фотографию и две свои книги – одна поэтическая, другая – иллюстрированная сказка «Шурале». Марат в детстве видел и фото Тукая и держал в руках его книги, прижизненно изданные. Бабушка читала ему «Шурале» и стихи Тукая. Видел Марат и фотографию бабушки в юном возрасте – она была выше среднего роста, статная, белолицая красавица, порода в ней чувствовалась и в преклонном возрасте. В Арске и в Мартуке нашлись и новые фотографии Амины-апай.

В Мендюше у Амины-апай родились две дочери – Марзия (1922 г.) и Фаузия (1926 г.). В Мартуке родился и сын Вагит, 1938 года рождения, он есть на фотографии 1939 года. Вагит умер в возрасте четырех лет и похоронен в Мартуке. Обе дочери лицом и статью пошли в мать: красивые, видные, это очевидно по многочисленным фотографиям. Обе, по тем временам, одевались стильно, это я хорошо запомнил в юности.

Камень на могиле Амины-апай Хабибуллиной.
17 мая 2018 г.

Потому, что Амина-апай прекрасно кроила и шила, у нее была швейная машинка, которую семья берегла как зеницу ока. Эта машинка и кормила их в Мартуке с 1937 года. Шила Амина-апай и для мужчин, и для женщин, шила новое и перелицовывала старые довоенные вещи – пальто, костюмы, брюки. Оттого ее знал весь Мартук, ее любили за трудолюбие, за безотказность, вкус, за бескорыстие. Шила она и в долг, и за продукты. Такой несгибаемой, работающей была в жизни возлюбленная Тукая.

Дочери Амины-апай, всю жизнь проработавшие в Мартуке, на исходе жизни вернулись туда, где начиналась жизнь их матери, которую они любили безоглядно – в Купербаш, и обе похоронены на сельском кладбище.

В Арске, по улице Красная слобода, д.50 живёт младший сын Фаузии – Рустам Ахмеджанов, 1964 года рождения, хирург по профессии. Рустам тоже многое добавил в историю своей бабушки. Он обошел в Купербаше и Мендюше всех старожилов, дальних родственников Амины-апай и Хайруллы-абы, нашел фотографии. Главное, в долгих беседах на родине

бабушки он услышал отголосок тех давних событий, которые интересуют нас, а именно о том, что

Тукай приезжал в Купербаш не только из-за козьего молока, а потому, что был влюблен в красавицу Амину и имел на нее виды.

Старожилы говорили, что в нее невозможно было не влюбиться – столь хороша, умна, воспитана она была. В Арске, у Рустама проживает и его отец, 96-летний Адигам-абы Ахмеджанов, фронтовик, первый зять Амины-апай. Адигам-абы потерял на войне руку, после войны закончил кооперативный техникум и всю жизнь проработал в Мартуке в райпотребсоюзе бухгалтером. Адигам-абы остался у меня в памяти с детства, они жили на нашей улице, он знал мою маму, её сестёр, моего отца, с которым вместе ушли на фронт. Очень авторитетный в Мартуке был человек. В 90-х годах прошлого века я часто принимал Адигама-абы и его друзей, татарских и казахских аксакалов, в Мартуке, в доме своего брата, об этих встречах остались фотографии.

Я написал много остросюжетных политических романов, основанных на реальных фактах. Настолько реальных, что за первый роман «Пешие прогулки» на меня было совершено тяжелое покушение, я пробыл 28 дней в реанимации и остался инвалидом 2 группы. Тем, кто умеет сопоставлять факты, изучать документы, думать логически, удается восстановить все до мельчайших деталей. К чему я это пишу? Потому что у меня есть опыт восстановления событий, тем более я имею подробное письмо Рамиля Шерланова из Нукуса. Он представляет род Самигуллиных-Хабибуллиных, к

которому принадлежала наша героиня Амина-ханум. Ее жизнь прослежена мною с 1912 года, когда она, по воле Аллаха, встретила с Г. Тукаем, до ее последних дней в Мартуке по 1976 год. Я представляю вам историю ее жизни, фотографию ее могилы и другие фотографии и свидетельства ее родственников по линии Хабибуллиных и Багаутдиновых.

Амина-апай прожила 81 год. Я обошел огромное мусульманское кладбище в Мартуке. По надгробным камням я понял, что людей, родившихся, как Амина-апай, в 1895 году и даже в начале 19 века, и проживших так же долго, как она – просто нет. К 1976 году, когда она умерла, из ее поколения до 60 лет дожили всего... три местных казаха. Отмечая столь феноменальный для того времени возраст Амины-апай, я думаю о высочайшей милости Всевышнего к ее судьбе: встретиться с Тукаем, прожить столь трудную жизнь в невыносимо жестокое время, выпавшее ей с юных лет, и при этом поднять детей, внуков и оставить после себя многочисленный и достойный уважения род.

Семья Рустама Ахмеджанова из Арска, внука Амины-апай.

Рамиль Шерланов

Получив письмо Рамиля Шерланова, я тут же без согласований-указаний поехал в Мартуку и Актюбинск. Путь не близкий – полтора суток в дороге! Там я встретился со множеством людей, наговорил много часов по телефону со многими родственниками Амины-апай, живущими сейчас в разных концах постсоветского пространства. И все эти люди, даже потерявшие связь друг с другом и редко общающиеся между собой, помнили об этой истории или что-то слышали об Амине и Тукае. В разговорах с ними я не ощутил никакого сговора между ними, желания утвердиться за счет истории, связанной с Тукаем. Такую трагическую историю столько людей сочинить и придумать не могли – не те люди, врать не будут. Спасибо им за то, что они помнят историю своей семьи, любят и чтят свой род, своих предков. Сомневающиеся, скептики и заинтересованные в иной трактовке жизненного пути Тукае могут обратиться ко мне, и я передам им телефоны потомков Багаутдиновых – Хабибуллиных. К этому тексту я прилагаю фотографии и ожидаю поступления новых, среди которых надеюсь увидеть снимок юной Амины – такой, какой увидел ее Тукай в 1912 году.

У меня есть и другой, не книжный, опыт отслеживания судеб людей. Я провел большую работу с биографическими материалами и написал эссе о жизни одного из выдающихся в мировом культурном пространстве

художника и скульптора Чингиза Ахмарова. Его я лично знал с 1971 года. Меня так тронула его судьба, что я поехал в Троицк, где прошло его детство. Кстати, и Тукай бывал там. Став художником, Чингиз-абы, иллюстрировал книги Тукая.

Мое эссе явилось открытием для многих в Казани, хотя Чингиз Ахмаров с 1956 по 1958 г. оформлял казанский оперный театр. Статья получила столь широкий резонанс, что Всемирный Конгресс татар попросил журнал «Мирас» перевести ее на татарский язык, и этот номер журнала вручали всем участникам съезда. Это эссе «Чингиз Ахмаров» можно найти на моем сайте www.mraul.ru.

Осталась непроверенной часть биографии рода Багаутдиновых. Я не стал делать это сознательно. Я доверяю всему тому, о чем так искренно и эмоционально написал мне доктор Рамиль Шерланов. Перечитайте письмо Р. Шерланова, где подробно указана его родня. Со стороны Багаутдиновых в Уфе живет достойный представитель этого рода – муфтий Талгат Тажутдин. А в Казани ныне живут и работают Самигуллины – внуки муллы Загретдина Самигуллина – духовные лидеры современного Татарстана, и другие достойные имена. Все они представляют род Багаутдиновых. А сам Загретдин Самигуллин – дед Рамиля Шерланова.

Очень рад, что благодаря своему рассказу «Станция моего детства» о Мартуке, я открыл неизвестные страницы из жизни величайшего татарского поэта, основоположника современной татарской литературы.

Воистину, пути Аллаха неисповедимы. Думаю, что только ради обнародования этой печальной истории, связанной с Тукаем, мне стоило стать писателем, чтобы через 106 лет довести эти неизвестные факты из его жизни татарскому народу.

PS. Пользуясь случаем, хочу подсказать татарским литературоведам, чиновникам от литературы и искусства, что в Актюбинске более 60 лет есть улица Героя Советского Союза Кутуева. В Актюбинске по сей день живет сын Героя – Ринат, мой ровесник, в юности мы тренировались у одного тренера по боксу, он упомянут в нескольких моих рассказах. В 60-х годах, когда я ещё не бывал в Казани, он рассказывал мне, что часто гостил там у своего двоюродного брата Рустэма Кутуя и его матери. Кстати, ещё о улицах в Актобе. Там всегда были улицы Тукая и Мусы Джалиля. Первая улица Актюбинска, основанная более 150 лет назад, появилась на горе, рядом с мечетью, местечко это ещё тогда называли Татаркой, там со дня основания Актюбинска кучно селились татары. Факт о том, что первая улица города появилась на Татарке отмечен в биографии города, и улица Кутуева находится там.

В Актюбинской области жили многие сподвижники Мусы Джалиля, после его реабилитации они время от времени печатали свои воспоминания в газетах, с ними организовывали встречи в школах, ВУЗах. Кстати, родина Мусы Джалиля от Мартука всего в двухстах километрах. В Мартуке в 60-х я ещё встречал людей, лично знавших его.

В Казахстане и Средней Азии хранятся ещё много татарских тайн и забытых достойных имён. Поздравляю всех татар – найдена могила возлюбленной Тукая!

Рауль Мир-Хайдаров с внуком Аминяпай Маратом Ахмеджановым. Мартук, май 2018 г.

Немилосердная судьба, злой рок не позволили им соединиться, а какая бы получилась красивая семья, и мы бы могли увидеть продолжение рода нашего великого поэта. Воистину, трагическая судьба, трагичнее не придумаешь. Не сбылось ни у них, ни у нас.

Но помните, знайте – история и открытия истории никогда, ни при нас, ни без нас, не заканчиваются.

И вновь совсем свежая, неожиданная связь с поэтом. В Москве 10 июня ко мне обратился профессор Гамер Баутдинов с просьбой помочь отыскать в Лондоне перевод стихотворения Г. Тукая «Парат», сделанное англичанами в 1914 г., и статью профессора Вильямса «Российские мусульмане» в американском журнале «The Russian Review». Затем я получил письмо 12 июня из Казани из Музея поэта с этой же просьбой. Мне удалось найти и эти документы столетней давности.

20 апреля 2018 г.

Перепечатка этого текста полностью или части его возможна только с письменного разрешения автора. Авторские права защищены законом, с вытекающими из него последствиями.